

Карина Демина

Хельмова сюзина красавиц.
Ведьмаки и колдовки

**Если вам кажется, что жизнь ваша дошла до точки,
приглядитесь: может, это всего лишь многоточие...**

Хельмова дюжина красавиц

Карина Демина

**Хельмова дюжина красавиц.
Ведьмаки и колдовки**

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Демина К.

Хельмова дюжина красавиц. Ведьмаки и колдовки / К. Демина — «АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Хельмова дюжина красавиц)

Странные дела творятся в Цветочном павильоне. В зеркалах обитают призраки, да и сами эти зеркала ведут себя вовсе не так, как зеркалам положено. И красавицы все как одна с тайнами, кто проклята, кто одержима, кто и вовсе с беспокойниками дело имеет да Хельму проклятому поклоняется. И как Себастьяну понять, которая из них колдовка, ежели все подозрительны? Тут еще братец его родной с кровью волкодлачьей мешается, крысятник Гавел остатки репутации рушит, и ко всем бедам еще и королевич воспылал страстью к провинциальной панночке. А он к отказам непривычный...

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Карина Демина

Хельмова дюжина красавиц. Ведьмаки и колдовки

Глава 1, в которой повествуется о нелегкой судьбе панночки Ядзиты, а также о буйных страстях и женских фантазиях

У влюбленности и одержимости много общего.

Но с одержимыми легче бороться.

Мысли опытного экзорциста, изложенные им в приступе откровения, случившемся после одного особо сложного дела

Впервые Ядзита увидела мертвяка на свое десятилетие.

Следует сказать, что в доме дни рождения праздновать было не принято, но старая нянька, заботам которой поручили панночку Ядзиту, поскольку собственная ее матушка болела, а батюшка был слишком занят научными изысканиями, накануне заветного дня приносила в комнату охапки полевых цветов.

И прятала под подушкой подарки.

Резной гребешок, пусть и стоивший два медня, но все одно нарядный, или бусы из ракушек, которые Ядзита сама собирала на речушке, или еще какую-то мелочь.

На кухне готовили шоколадный кекс, маленький, для одной Ядзиты.

И нянька вносила его на серебряном старом подносе, пожалуй, единственной серебряной вещи, которая осталась в старом поместье.

...продали его много позже.

В тот день она проснулась до рассвета и лежала в постели, слушая, как заливаются за окном соловьи. Солнце наступало с востока, золотило небо.

Дышалось легко и свободно.

– И чего валяешься? – поинтересовался кто-то.

– Хочу и валяюсь, – ответила Ядзита, зевая. Но в кровати села, прищурилась, сияясь разглядеть того, кто тайком пробрался в ее комнату.

– Этак вся ночь пройдет. – Он, точнее, она и не думала прятаться.

Сидела на стульчике, спину выпрямив, ручки на коленках сложив; и что за беда, если эти коленки костлявые сквозь саван просвечивают, а сам саван, полупрозрачный, истлевший, растянулся по полу.

У незнакомки было бледное лицо с черными провалами глаз и губы синюшные...

Ядзита закричала.

И лишилась чувств, а когда пришла в себя, то светило солнце, а у кровати ее, уткнувшись в старую записную книжку, сидел отец.

– Очнулась? – Он произнес это недовольно, так, что Ядзите разом стало стыдно, что обмороком своим и болезнью – а Ядзита чувствовала себя невероятно больной – она оторвала отца от работы.

Над чем он работал, она не знала.

Отец запирался в Южной башне, появляясь лишь к ужину, и то не всегда. Но и ужины эти проходили в тягостном молчании. Мама вздыхала. Он листал очередной фолиант или вот эту самую записную книжку, которую и теперь держал в руках. Ядзите вменялось есть быстро, молча и не мешая родителям.

– И жар спал, – сказал отец, опустив на лоб Ядзиты ладонь. Широкая и темно-красная, та показалась невероятно тяжелой. Ядзита даже испугалась, что если отец немного надавит, то голова ее треснет. Но он руку убрал и брюзгливо поинтересовался: – Чего ты испугалась?

– П-призрака... я п-призрак увидела...

– И что? – Этот голосок она узнала. Девочка в платье-саване сидела на прежнем месте, но теперь в руках она держала любимую, а точнее, единственную куклу Ядзиты. – А я увидела человека. Но не ору же...

– Она... она...

Отец повернулся к девочке и, поморщившись, бросил:

– Клео, иди погуляй...

...так Ядзита узнала, что видеть мертвяков – это дар такой.

Редкий.

Наследный.

Отец рассказывал скупо, раздраженно, мыслями пребывая где-то далеко, наверняка в Южной башне.

– Нечего бояться. Они тебя не тронут, – сказал он напоследок и, захлопнув книжицу, добавил: – И вообще детям нужны друзья.

Он наклонился, запечатлев на лбу Ядзиты холодный поцелуй, и ушел. А она сидела в кровати и думала, что, конечно, друзей хотелось бы... но не мертвых же!

– Тук-тук. – Клео стояла на пороге. – Можно войти?

– Входи.

Не то чтобы теперь Ядзита вовсе ее не боялась, скорее... скорее уж чувствовала, что вреда ей и вправду не причинят.

– А кричать больше не будешь?

– Не буду.

Вскоре Ядзита поняла, что мертвые друзья мало в чем уступают живым...

– Семейное проклятие. – Она сидела, позволяя Себастьяну расчесывать тяжелые гладкие волосы. – Моя прапрабабка была колдовкой... служила Хельму...

Она рассказывала просто, спокойно, будто бы не было ничего-то особенного в том ее детстве, в играх с мертвецами, в подвалах, где стояли Хельмовы камни, потемневшие от крови, намоленные...

...о жуках, которых сама Ядзита приносила, нарушая запрет.

...о драгоценном кинжале, что лежал на жертвеннике, и даже отец, распродавший ради таинственного своего изобретения все ценное, не посмел тронуть рубины в рукояти.

...о лезвии, касавшемся кожи нежно...

...о дареной крови...

– Меня никто не вынуждал. Не просил. Не заставлял. – Ядзита склонила голову к плечу, она разглядывала свое отражение в зеркале с той же безмятежной улыбкой, к которой Себастьян успел привыкнуть. – Я просто знала, что должна поступить именно так. Камни давно остыли. Отец подвалов избегал. Теперь я думаю, что он боялся. Мать... была другого рода. А бабка умерла задолго до моего рождения.

– Ужас какой, – вполне искренне сказала панночка Тиана, перехватывая тяжелые золотые волосы лентой.

– Да нет... просто привыкнуть надо.

Себастьян не сомневался, что с мертвыми друзьями без привычки управляться сложно.

– Некогда наш род на все королевство славился. Берри рассказывал... это...

– Призрак.

– Беспокойник, – поправила Ядзита и тут же пояснила: – Призраки бесплотны и зачастую разума лишены... это след от человека на ткани мироздания. Со временем след затирается, тает. А беспокойники разумны. И способны воплотиться. Клео вот вечно мои ленты тягала и еще нитки путала. Ей это веселым казалось. Беспокойники остаются, когда душа не хочет уходить. Матушка Клео сильно над ней убивалась и этими слезами к земле привязала. Берри жена отравила, которую он любил без памяти... всякое случается. Прежде-то мы аккурат находили таких вот беспокойников и помогали им отыскать дорогу...

– Упокаивали.

– Верно. Упокаивали. Берри меня многому научил. Еще Марта... и Люсиль... она очень нервная девушка была, крысиным ядом отравилась от несчастной любви. Потом жалела очень, тем более когда через двадцать лет эту самую любовь увидела...

Себастьян кивнул, думая, что собственное детство, пусть проведенное вдали от семьи, было вполне себе счастливым.

– Что было дальше?

– Ничего. – Ядзита пожала плечами. – Я росла. Время от времени подкармливала Хельмовы камни. Отец по-прежнему сидел в башне, изобретал. Мама умерла. Нянечка тоже, но они совсем умерли, то есть...

– Я поняла.

– Хорошо. Поместье постепенно хирело... денег не было. Их никогда-то не было, но отцу вдруг понадобились для его изобретения алмазы, и он меня продал. Ах, простите, выдал замуж... заплатили неплохо. Мне даже гардероб справили...

– Но жених до свадьбы не дожил.

– Увы... сердце слабое оказалось. – Ядзита вздохнула...

...само не выдержало? Или же беспокойники дружескую услугу оказали? Себастьян не стал задавать лишних вопросов.

– Потом продал снова... и на конкурс вот отправил... – Она провела ладонью по зеркальной глади, которая пошла мелкими складками. – Ему... сделали хорошее предложение.

– Кто?

– Не знаю. Он принимал гостя в своей башне, а туда беспокойникам хода нет. Меня в тот вечер из дому отослал... глупый какой-то предлог, я еще подумала, что он опять эксперимент ставит. Как-то на его эксперимент гроза разыгралась, и вторую башню почти начисто молнией снесло. Я не стала спорить, ушла. А потом Клео рассказала про карету и про то, что к карете они и близко подойти не сумели. Отец же заявил, что я должна участвовать в конкурсе, что выиграю...

Она замолчала.

Руку Ядзита от зеркала отнимала медленно, и тонкие нити стекла тянулись за ладонью.

– С ним сложно спорить. Он не сильнее меня и силу-то использовать не любит, но... я еще подумала, что конкурс – это мой шанс. Найти мужа... или хотя бы покровителя... кого-то, кто... беспокойники – близкие мне люди, но все-таки мертвые они.

Нити разорвались и втянулись в зеркальное полотно, рука же Ядзиты осталась чистой.

– Но когда я сюда попала, то... это место – большой погост... и беспокойников здесь множество, я слышу, как они зовут... и хотела поговорить еще в первую ночь.

– Не отозвались?

– Отозвались, но не пришли. Держат их... она держит.

– Кто?

– Откуда ж мне знать? Она сильная... очень сильная... и из меня силы тянет. Отец опять меня продал. – Сказано это было с легкой печалью, словно бы Ядзита вовсе не удивлялась этакому его поступку. – Ей нужен мой дар... а я хочу жить.

– Сколько еще продержишься?

– Недели две... наверное... но все случится раньше.

– Откуда...

– Я ведь слышу, что они шепчут... а когда идет, то замолкают. Ищи на четной стороне. Хорошая подсказка. Четная сторона. Габрисия, Мазена и Эржбета... еще Иоланта...

– Откуда она узнала про твой дар?

Ядзита вздохнула и, вытянув руку с белыми синеватыми ногтями, призналась:

– Думаю, она не знала точно, предполагала. Раньше-то род известный был... – Она смотрела на Себастьяна, и он готов был поклясться, что Ядзита видит насквозь маску и под незамутненным взглядом синих очей та тает...

– Дымка, – сказала Ядзита, опустив очи долу. – Если приглядеться хорошенько...

– Ты пригляделась?

– Теперь – да.

– А прежде?

– Прежде? – Она лукаво улыбнулась. – Я же говорю, здесь полно беспокойников... им о многом говорить запрещено, но... ты – не многое.

Чтоб тебя...

– К слову, если тебе, конечно, интересно, то... Богуслава одержимая... а Иоланту, похоже, прокляли.

...вот тебе и красавицы... чтоб их...

– Идем. – Ядзита открыла дверь. – Не стоит заставлять старую стерву ожиданием мучиться...

– Почему стерва?

– Потому... или думаешь, она не понимает, что здесь происходит? Понимает... и Иолу не так просто первой на часы поставила...

Тиана придержала красавицу за локоток и мягко поинтересовалась:

– Ночью где гуляла?

– В саду. – Ядзита не стала притворяться, будто не понимает, о чем речь. – Меня... попросили...

– Кто?

– Беспокойник... нет, он не из этих... он к дому отношения не имеет, но... иногда хочется поговорить с кем-то. И чтобы цветы подарили. И под луной пройти... просто пройти... понимаешь?

Себастьян кивнул, хотя от понимания, говоря по правде, был весьма далек. Мертвые ухажеры? Быть может, после мертвых друзей это и нормально, но...

– Габрусь – просто прелесть... хотите, я вас познакомлю?

– Воздержусь, – ответил Себастьян, а Тиана согласилась.

В ее Подкозельске покойники вели себя прилично, лежали в могилках, а не охмурили провинциальных некроманточек...

...надо будет Аврелию Яковлевичу сказать.

...и про беспокойника тоже.

Не королевская резиденция, а смутный погост какой-то...

...проснулась Евдокия ближе к полудню.

И вспомнила.

И простыню натянула по самые брови, потому как предаваться самокопанию вкупе с моральными терзаниями под простыней было удобней.

Вот же...

...случившееся ночью теперь казалось чем-то далеким и совершенно невозможным.

Неправильным!

Минут пять Евдокия разглядывала ту самую, натянутую поверх головы простыню, уговаривая себя, что ничего-то ужасного не приключилось...

...подумаешь...

...ей двадцать семь, а скоро и двадцать восемь будет...

...а она тут страданиям предается... и главное, что страдается-то неохотно. Солнышко сквозь простыню светит, птички за окошком надрываются... день новый, радостный... а она развалилась, пузыри пускает, ладно бы и вправду девицей была, а так...

Чего страдать?

Нечего.

И Евдокия решительно встала.

...о кольцо она не сразу вспомнила, а вспомнив, удивилась тому, что кольцо это в пору пришлось. Сидело на пальце что влитое, знай себе камнем подмигивало.

Евдокия камень потрогала: теплый. Заговоренный, что ли?

...а все маменька с ее женихами...

Вот к чему приводит неумное родительское стремление дочернюю жизнь устроить!

Прохладная водица не уняла душевного волнения, породив новое беспокойство. Вернется Лихослав аль нет? Если колечко оставил, то вернется... небось такими вещицами не разбрасываются... и что скажет? Как ему-то в глаза смотреть?

Ладно, если бы Евдокия себя соблазнить позволила, хотя и за это стыдно, приличные девицы так себя не ведут... нет, Евдокия давно уже смирилась, что неприличная... и вообще, ей бы мужчиною родиться... маменька вот тоже так говорила...

Небось точно взялась бы за розги, а то и за ремень кожаный, крученный, им дурь из девицей головы выбивая...

...и что он теперь думать станет?

Известно что...

...распутная девка... гулящая... таким вот и ворота дегтем мажут, и окна быют, и косы стригут, чтоб честных людей в заблуждение не вводили.

Евдокия замерла. Косы стало невероятно жаль. Единственная красота – и той лишиться...

– Дуся! – Аленка, как обычно, вошла без стука. – С тобою все ладно?

– Все. – Евдокия решительно за косу взялась – нет, не резать, но заплетать.

– Врешь.

– Вру, – призналась она, сражаясь с лентой. Вот диво, прежде-то коса сама собой плелась, руки знали работу, и сама она, привычная, скорая, успокаивала. Теперь путаются прядки, а лента выскальзывает. – Я... я, кажется... замуж выйду.

Сказала и ленту выпустила.

А гребень и того раньше упал. Евдокия же, разом лишившись сил, в кресло опустилась.

И вправду выйдет...

– За кого? – Всего ужаса новости Аленка не желала осознавать, но гребень подняла и ленту тоже и, бросив в шкапулку, другую достала – ярко-красную...

...куда Евдокии такие носить?

Яркое – это для девиц юных, ей же полагается...

...да разве она нынешней ночью не нарушила все мыслимые и немыслимые правила, не говоря уже о законах божеских?

И людских?

– За Лихослава...

Евдокия вытянула руку, которая позорно и мелко дрожала:

– Вот.

Камень в перстне налился тяжелой непроглядной чернотой.

– Красота! – оценила Аленка. – Поздравляю!

И ленту подобрала.

– Только если вдруг передумаешь, то сразу ему не говори.

– Почему?

– Он обидится и колбасу носить перестанет, – резонно заметила Аленка. – Тогда мы умрем с голоду...

Аргумент был весомым.

Впрочем, Евдокия не передумает... наверное.

– Но платье тебе я сама выберу. И остальное тоже. А то ты так и пойдешь, в суконном...

Евдокия кивнула.

Замуж.

Она и вправду выйдет замуж... за Лихослава, который...

...который что?

Что она вообще о нем знает?

...он ласковый и нежный. И губы у него сухие. А когда он Евдокиино имя произносит, то сердце стучит...

...чуткий...

...и десять лет провел на Серых землях, чтобы семье помочь...

...ему деньги нужны.

А Евдокия – так, приложением... и, быть может, честнее было бы с Грелем связаться, контракт подписать, чтобы он, Грель, в женины дела не лез. Она же в свою очередь и в его не полезет... и жили бы, женатыми, да каждый своей жизнью...

– Глупости какие-то думаешь, – сказала Аленка и за волосы дернула.

– Если бы...

Деньги – это не глупость, это реальность куда более осязаемая, нежели эфемерные чувства. Да и не говорил ничего Лихослав о чувствах.

Кольцо оставил, это да, но...

Евдокия повернула перстень камнем внутрь.

– Глупости. – Аленка не собиралась отступаться. – Знаешь, мне порой хочется тебя поколотить... деньги, деньги, деньги... ты ничего, кроме этих денег, не видишь.

– А что должна?

– Не знаю. Что-нибудь. Дуся, я не говорю, что деньги – это не важно. Важно.

...маменькин дом, купленный за сто двадцать тысяч лишь потому, что стоит он на главной улице, аккурат напротив мэрова особняка...

...и шелковые обои...

...и обои бумажные, разрисованные в сорок цветов, а поверху еще золоченые...

...и полы дубовые...

...стекла в окнах заговоренные, особо прочные...

...трубы и водопровод... котел с подогревом в подвале... дрова для котла...

Деньги – это та же люстра из богемского хрусталя, которой маменька немало гордилась, потому что подобной красоты ни у кого-то в Краковеле не было, и сам мэр захаживал, любовался...

...и мебель резная, с позолотой. Аленкины любимые стулья, обтянутые гобеленовой аглицкой тканью да подложенные конским волосом...

...и наряды.

...драгоценности.

...столовое серебро и тот ужасающего вида парадный сервиз на шестьдесят персон, который хранился в сундуках.

– Я понимаю. – Аленка смотрела в глаза отражению Евдокии. – Но и ты пойми, что одно дело, когда деньги для жизни. А другое – когда жизнь за-ради денег.

Наверное.

...и все-таки точит, грызет сердце сомнение. Да, сейчас Лихо добр, а потом что будет, после свадьбы? И не выйдет ли так, что он просто возьмет Евдокиино приданое во благо собственной семьи, а ее сошлет подальше, чтобы не позориться...

– Эх, Дуся... – со вздохом Аленка отступилась, – какая ты порой бываешь упертая, сил нет. Коль сомневаешься, то не иди замуж.

Евдокия слово дала. А она слово свое держит, и... и вообще кольцо не снималось.

Это ли не знак?

И Евдокия, погладив теплый черный камень, повернулась к сестрице и велела:

– Рассказывай.

– О чем? – Аленка разом смешалась и взгляд отвела.

– О том, что здесь творится...

– Ничего не творится... вот вчера мы декламациями занимались. И мне кажется, я немалый успех имела. А Иоланта все время запинаясь, будто бы читать не умеет... Лизанька, напротив, читала очень громко. Мне кажется, что она думает, если громко – то хорошо... но, наверное, нельзя так говорить. Но ты сама знаешь, была ведь... а позавчера примерка была. Костюмы для бала-маскарада... по-моему, это как-то скучно: который год подряд шить цветочные наряды... хотя из тебя очень красивый гиацинт выйдет, поверь моему слову...

Евдокия хмыкнула: неужто сестрица и вправду полагает, будто ее интересуют эти декламации, пикники и маскарады?

– Алена, я не о том спрашиваю, – с улыбкой произнесла Евдокия, признаваясь себе самой, что гиацинтовое платье и вправду выходило великолепным.

Лихо бы понравилось.

И понравится, если он сам, конечно, на этом балу объявится.

– Еще не время...

– Алена!

– Не время. – Глаза полыхнули яркой зеленью, сделавшись вовсе не человеческими. – Пожалуйста, Дуся... я пока не могу...

– Рассказать?

– И рассказать тоже... луна неполная... еще неполная... неделя всего осталась... пожалуйста. Неделя, и... и тебе бы уехать. Меня оно не тронет, а ты...

– А у меня охрана имеется.

...во всяком случае, по ночам.

Лихо вернулся на закате.

Обнял.

И, прижав к себе, тихо выдохнул:

– Ева... а я тебе ничего не принес... простишь?

– Прощу.

И не будет думать больше ни о чем. Как оно там сложится дальше? Как-нибудь, но... темнота укроет от ревнивого взгляда богов. И можно позволить себе быть бесстыдной и даже развратною.

Шелковая лента выскользывает из косы.

И кожаный шнурок, которым он стягивает свои такие жесткие ломкие волосы. Тычется носом в руки, беспокойно, беззащитно, вновь и вновь произносит это, уже не чужое, имя:

– Ева...

...Евдокия.

...но и так хорошо. И обнять его, беспокойного, унять непонятную тревогу.

Пусть останется за порогом, за границей темноты. Будет день, будут заботы, а пока Евдокия разгладит морщины вокруг его глаз. И коротких ресниц коснется, которые колются, будто иголки...

...и замрет, уткнувшись носом в шею, горячую, сухую, как земля на старом карьере...

– Что ты со мной делаешь? – Его шепот тревожит ночь.

– А ты?

– И я...

Волосы перепутались, переплелись прядями, точно старые деревья ветвями... и хорошо лежать в кольце его рук.

Не думается ни о чем.

И Евдокия счастливо позволяет себе не думать...

Часы бьют полночь, но кто бы ни бродил по темным коридорам Цветочного павильона, в комнату Евдокии он заглядывать не смеет. А на рассвете, который Евдокия чувствует сквозь сон прохладой от окна, птичьим взбудораженным щебетом, Лихослав уходит.

...как ему верить?

И не верить никак...

...два дня прошли без происшествий.

Почти.

Странное пристрастие Иоланты к зеркалам не в счет. Теперь она повсюду носила с собой крохотное, с ладошку величиной, зеркальце, от которого если и отрывала взгляд, то ненадолго.

Улыбалась странно.

Говорила тихо.

А в остальном все как прежде.

Очередная ссора Богуславы и Габрисии, которая, растеряв былую невозмутимость, расплакалась. И в слезах убежала в свою комнату; прочие же красавицы сделали вид, что ничего не заметили. А может, и вправду не заметили?

Эржбета писала.

...Ядзита, как и прежде, занималась вышивкой...

...Богуслава, растревоженная ссорой, мерила комнату шагами...

...Лизанька читала очередное послание, которое то к груди прижимала, то к губам, и вздыхала этак, со значением...

...Мазена, устроившаяся в стороне, тоже читала, но книгу в солидном кожаном переплете.

– Я... я больше не собираюсь молчать! – Габрисия появилась в гостиной.

Гневливая.

И глаза покраснели от слез... способна ли матерая колдовка плакать?

– Пусть все знают правду!

– Какую, Габи? – Богуслава остановилась.

...одержимая?

...об одержимых Себастьян знает не так и мало. Случается человеку по воле своей впустить в тело духа. Думают обычно, что справятся, верят, а после, когда оно бедой оборачивается, то удивляются тому, как же вышло этакое... и ведь началось все с того самого приворота.

Дура...

...и надо бы скрутить, сдать жрецам, авось еще не поздно, заперли бы, замолили, вычистили измаранную прикосновением тьмы душу.

Нельзя. Не время еще.

– Ты моего жениха увела!

– Помилуй, дорогая, не я увела. Он сам не чаял, как от тебя спастись... ты была такой... страшенькой... но с претензией. – Богуслава смерила соперницу насмешливым взглядом.

А ведь не переменялась. Не то чтобы Себастьян так уж хорошо знал ее – прежнюю, но сколько ни приглядывался, странного не замечал.

Не ошиблась ли Ядзита?

Вышивает, словно не слышит ничего; и прочие красавицы ослепли, оглохли... нет, не оглохли, прислушиваются к ссоре, любопытствуют.

– Да и кому интересны дела минувших дней. – Богуслава расправила руку, глядя исключительно на собственные ногти. Розоватые, аккуратно подпиленные и смазанные маслом, они тускло поблескивали, и Себастьян не мог отделаться от ощущения, что при нужде эти ногти изменят и цвет, и форму, став острее, прочнее, опаснее...

...аж шкура зачесалась, предчувствуя недоброе.

– Никому, – согласилась Габрисия, мазнув ладонью по пылающей щеке. – Куда интересней, как ты с единорогом договоришься, дорогая...

Мазена закрыла книгу.

А Эржбета оторвалась от записей, Лизанька и та письмо, едва ли не до дыр зачитанное, отложила.

Интересно получается.

– Панночка Габрисия, – Клементина, по своему обычаю державшаяся в тени, выступила, – вы осознаете, сколь серьезное обвинение выдвигаете против княжны Ястрежемской? И если окажется, что вы клеветаете...

– Я буду очень удивлена, – вполголоса произнесла Ядзита. Игла в ловких пальцах ее замерла, но ненадолго.

– Я обвиняю Богуславу Ястрежемску в обмане и подлоге. Она давно уже не невинна... – Габрисия разжала кулаки. – Четыре года тому я застала ее в постели с... князем Войтехом Кирбеничем...

– Ложь, – легко отмахнулась Богуслава.

– Как драматично! – Эржбета прикусила деревянную палочку, уже изрядно разжеванную. – Накануне свадьбы невеста застаёт суженого с лучшей подругой в... в компрометирующих обстоятельствах...

– Габи, не позорься. – Богуслава не выглядела ни смущенной, ни напуганной. – Тебе показалось, что ты застала в Войтеховой постели меня...

– Показалось?!

– Именно, дорогая, показалось. У тебя ведь зрение было слабым... настолько слабым, что без очков ты и шагу ступить не могла. А тогда, помнится, очки твои разбились...

– Весьма кстати...

– Бывают в жизни совпадения...

– Я узнала твой голос. – Отступить Габрисия не желала. – Или ты и в глухоте меня обвинишь?

– Разве я тебя хоть в чем-то обвиняю? А голос... мало ли схожих голосов... я понимаю, – Богуслава поднялась, – очень понимаю твою обиду... и клянусь всем светлым, что есть в моей душе, что невинна...

...она обняла Габрисию, и когда та попыталась отстраниться, не позволила.

– Тебя глубоко ранило предательство жениха. Верю, что ты застала его с кем-то...

Она поглаживала Габрисию по плечу.

– Но не со мной... Габри, ты радоваться должна...

– Чему?

Габрисия успокоилась, что тоже было несколько странно.

– Тому, что не успела выйти за него замуж. До свадьбы, после... он бы предал тебя... посмотри, какой ты стала...

Богуслава развернула давнюю приятельницу к зеркалу.

– Ты красавица... ты достойна много большего, чем то ничтожество... – Она обошла Габрисию сзади и, наклонившись, прижавшись щека к щеке, смотрела уже на ее отражение. – Ты с легкостью найдешь себе нового жениха... и уж он-то сумеет оценить сокровище, которое ему досталось...

Габрисия смотрела на собственное отражение.

А то плыло, черты лица менялись...

...она и вправду была потрясающе некрасива: длинноноса и узкогуба, с близко посаженными глазами, с тяжелым подбородком, со сросшимися бровями, какими-то непомерно темными, точно кто-то прочертил по лицу ее линию.

Габрисия всхлипнула и зажмурилась.

– Это все в прошлом, дорогая... все в прошлом, – пропела на ухо Богуслава, отпуская жертву. – Мы так давно не виделись... и я готова признать, что ты несказанно похорошела! Не иначе, чудо случилось!

– А то, – громко сказала панночка Тиана. – Вот у нас в Подкозельске был случай один. Не, я сама-то не видела, но мне дядечкина жена рассказывала. А она хоть та еще змеюка, но врать не станет. У ее приятельницы дочка росла. Такая некрасивая, что прям страх брал! От нее кони и то шарахались, и чем дальше, тем хуже... кони-то что, скотина бессловесная, шоры надел и езжай себе, куда душе угодно. Женихи – дело иное... женихи-то с шорами ходить несогласны были.

Лизанька громко фыркнула и письмо вытащила. Мелькнула игла в пальцах Ядзиты... и Эржбета открыла книжицу...

– ...так когда ей шестнадцать исполнилось, то родители повезли ее в Познаньск, в храм Иржены-заступницы за благословением. Много отдали! Но помогло! Кони шархаться перестали...

– Надо же... какой прогресс.

Богуслава отступила, а Габрисия как стояла, так и осталась, устремив невидящий взгляд в зеркало...

– А с женихами что? – поинтересовалась Эржбета, прикусывая самопишущее перышко.

– У кого?

– У дочери знакомой вашей тетки.

– А... ничего... приданое хорошее положили, и нашелся охотник.

– Приданое... приданое – это так неромантично...

– Зато реалистично, – подала голос Мазена, которая сидела с книгой, но уже не читала, гладила обложку. – Без денег никакая красота не поможет...

– Не скажи. – Эржбета вертела в пальцах изрядно погрызенное писало. – Истинная любовь...

– Выдумка.

– Почему?

– Потому. – Мазена книгу все-таки закрыла и поднялась. – Надолго ли хватит этой, истинной любви, если жить придется в хижине, а носить рванину? Работать от рассвета до заката, питаться пустой пшенкою.

– Ненавижу пшенку, – решительно вступила в беседу Лизанька. – Мне ее бабушка всегда варила. И масла клала щедро... а я масло не люблю...

– Что ж, – Мазена снисходительно улыбнулась, – если вы по истинной любви выйдете замуж за проходимца, который просадит ваше приданое в карты, то пшенку вы будете есть пустую. Без масла.

Лизанька обиженно поджала губы.

– Я говорю об истинной любви, которая настоящая, – сочла нужным уточнить Эржбета, – взаимная.

Но Мазену не так-то легко было заставить отступить.

– Можно и так. Тогда пшенку будете есть оба. Взаимная любовь, сколь бы сильна она ни была, не гарантирует ни счастья, ни... отсутствия у избранника недостатков. Поэтому любовь любовью, а приданое – приданым. И желательно, чтобы в контракте оговаривалась девичья доля.

– В каком контракте?

– Брачном.

– Нет, – решительно отмахнулась от ценного замечания Эржбета, – контракт... это совсем неромантично.

На сей раз спорить с нею не стали, и лишь Лизанька, подвинувшись поближе, поинтересовалась:

– А что это вы все время пишете?

Себастьян мысленно к вопросу присоединился, хотя, памятуя о находках в Эржбетиной комнате, ответ, кажется, знал.

Эржбета книжечку закрыла и, прижав к груди, призналась:

– Роман...

– О любви. – Мазена произнесла это тоном, который не оставлял сомнения, что к романам подобного толка она относится, мягко говоря, скептически.

– О любви. – Эржбета вздернула подбородок. – Об истинной любви, для которой даже смерть не преграда...

– И кто умрет?

– Одна... юная, но очень несчастная девушка, которая рано осталась сиротой... но и к лучшему, потому что родители ее не любили... считали отродьем Хельма... они сослали ее в старое поместье, с глаз долой... а потом вообще умерли.

А вот это уже любопытно. Родители Эржбеты были живы, но, сколь Себастьян помнил, особого участия в жизни дочери не принимали.

Почему?

Долгожданное дитя... единственное...

– И эта несчастная девушка, осиротев, попадет под опеку дальнего родственника... жадного и бесчестного.

– Ужас какой! – сказала Лизанька.

– И этот родственник отравит ее...

– Лучше бы замуж выдал, – внесла коррективы Ядзита. – На юных всегда желающие найдутся, которым приданое не нужно, сами приплатить готовы...

– Собственным опытом делитесь, милая? – Богуслава не упустила случая уколоть; но Ядзита лишь плечиком дернула.

– Да! – Идею с неожиданным воодушевлением подхватила Иоланта, оторвавшись от серебряного зеркальца. – Он захочет ее продать! Юную и прекрасную!

– Старик, – поддержала Ядзита. – Уродливому.

– Горбатому.

– И у него изо рта воняло... – Иоланта сморщила нос. – За мной как-то пытался один ухаживать... папенькин деловой партнер. Так у него зубы все желтые были, и изо рта воняло

так, что я и стоять-то рядом не могла! А папенька все говорил, дескать, партия хорошая... Иржена-заступница, я как представила, что он меня целует, так едва не вырвало!

– А вот у нас в Подкозельске...

Но панночка Тиана осталась не услышанной, да и то правда, где Подкозельску равняться с романтической историей о юной прекрасной девственнице, замученной жестоким дядюшкой.

– И, понимая, что свадьбы не избежать... – Эржбета к постороннему вмешательству в сюжет отнеслась спокойно. Более того, воодушевленная вниманием, зарозовелась, в глазах же появился хорошо знакомый Себастьяну блеск. И это выражение некоторой отстраненности, будто бы Эржбета смотрит, но не видит, всецело ушедши в себя, – она выбирает смерть... и травится.

– Крысиным порошком, – подсказала Тиана.

– Крысиный порошок – это не романтично!

– Зато действительно. Вот у нас в Подкозельске крыс всегда порошком травят. А в позапрошлом году мельничихина племянница полюбовнице мужа сыпанула. Из ревности. И та окочурилась... следствие было...

– Уксусом. – Лизанька выдвинула свою теорию и для солидности добавила: – Папенька говорит, что женщины чаще уксусом травятся. Или еще вены режут...

– Нет, уксус – это...

– ...не романтично.

– Прозаично! – винтила Мазена, которая держалась с прежним отстраненным видом, но к разговору прислушивалась внимательно. – Пусть она использует какой-нибудь редкий яд...

– Бурштыновы слезы...

– У вас в Подкозельске знают про бурштыновы слезы? – Мазена откинула с лица длинную прядку.

А глаза-то переменялись: болотные, темные. Нельзя в такие смотреться, но и взгляд отве- сти выходит с трудом немалым.

– А что, думаете, что раз Подкозельск, то край мира?! За между прочим, к нам ведьмаки приезжали с лекциями про всякое...

– ...бурштыновы слезы, пожалуй, подойдут, – сказала Эржбета, обрывая спор. – Редкий яд...

– Лучше б она их своему муженьку подлила. – Иоланта вертела зеркальце, то и дело бросая взгляды на отражение свое. – А что? От слезок смерть естественной выглядит... мне мой кузен рассказывал, что на горячку похоже...

– На чахотку, – уточнила Ядзита, перерезая тонкую черную нить.

– Пускай на чахотку... главное, что муженек бы того... и все... а она жила б себе вдовой...

– Нет. – Эржбета с подобным поворотом сюжета была категорически не согласна. – Моя героиня так поступить неспособна! Она юная! И очень-очень порядочная...

– Ну и дура...

– Не дура, просто... просто она на убийство неспособна! Она умрет накануне свадьбы... и ее похоронят в свадебном платье...

– В белом?

– Конечно, в белом! Я еще думаю, чтобы вокруг шеи стоечка... или сделать воротник отложным? И шитье, конечно...

– Талия завышенная...

– И рукав двойной, я видела в журнале... очень красиво смотрится...

– Кружевная оторочка по подолу...

– А какая разница, в чем хоронить-то? – не удержался Себастьян, когда обсуждение не то свадебного, не то погребального наряда затянулось. – Платье и платье... беленькое и с рюшами...

– Рюши – это дурновкусие! – решительно заявила Габрисия и, окинув панночку Белопольску насмешливым взглядом, передразнила: – Понимаю, что у вас в Подкозельске приличных женщин хоронят исключительно в платьях с рюшами, но здесь – дело иное...

– Похороны, – Эржбета что-то черкала в книжице, – это важное событие в жизни. Ну и в книге, само собой. Нельзя подходить к нему спустя рукава.

Действительно. С этой точки зрения Себастьян проблему не рассматривал.

– А дальше-то что? – поинтересовалась Лизанька.

– Дальше... дальше она встретит своего суженого... истинного... он – некромант. Молодой, но сильный...

– Не надо молодого, лучше, чтобы постарше был и опытный.

– Чем лучше? – возмутилась Лизанька.

– Всем! Чтобы суровый и жестокий даже... и не очень красивый. Чтобы все его боялись. – Габрисия прикусила губку. – Да, все будут бояться и не поймут, что в глубине души он очень-очень одинок...

– И тоскует!

– По чем тоскует? – Себастьян старался быть серьезным.

– По женской ласке, конечно! – На Тиану поглядели как на сущую дуру. – Все мужчины, даже очень суровые, в глубине души тоскуют по женской ласке...

И, ободренная поддержкой, Эржбета продолжила повествование:

– Он в городке проездом. Остановится ненадолго. И ему совершенно случайно понадобится свежий труп. Он тайно наведается на кладбище...

...и, нарушив несколько статей Статута, в совокупности своей дающих от семи до пятнадцати лет каторги без права досрочного выкупа, самовольно раскопает могилу.

– ...вскроет склеп, – сказала Эржбета. – Будет ночь. И полная луна воцарится в небе. Мертвенный свет ее проникнет сквозь окна...

– Зачем в склепе окна? – Себастьян все же не удержался.

– Какая разница?! Может, заглянуть кому понадобится... или выглянуть, – отмахнулась Иоланта. – Бетти, не слушай эту дуру. Рассказывай... я так и вижу, как свет проникает... а она лежит в гробу, вся такая прекрасная... в свадебном платье...

– И бледная...

– И юная... несчастная... и он не устоит...

– Извращенец. – Себастьян поерзал и поспешно добавил: – А что, если прямо там и не устоит, то точно извращенец. Вот у нас в Подкозельске был один, который могилки раскапывал. Нет, не некромант, а так... ненормальный. И главное, что ни бабами, ни мужиками не брезговал.

– Жуть какая!

Красавицы переглянулись и одновременно пожали плечами, верно решив про себя, что в страшный город Подкозельск они не заглянут.

– Он не в том смысле не устоит, – внесла ясность Эржбета. – В том очень даже устоит... сначала устоит, а потом... в общем, он влюбится. И волеет в нее свою силу, захочет, чтобы ожила... а она оживет...

...это вряд ли.

Будь в гостинной Аврелий Яковлевич, он бы сумел объяснить, почему невозможно поднять труп одним желанием, сколько силы в него ни вливай.

– Нет, так просто не интересно. – Мазена щелкнула пальцами. – Надо, чтобы как в сказке! Он ее поцеловал!

Себастьян мысленно, но от всей души посочувствовал несчастному, суровому, но очень одинокому и явно истосковавшемуся по бабам некроманту, которому придется целовать труп трехдневной давности.

– Да! – Идея Мазены красавицам пришлась по душе. – Он трепетно коснется мертвых губ ее...

...вдохнет запах тлена и бальзамического масла.

– И вглядывается в прекрасное лицо...

...подмечая бледность его, синеву трупных пятен и блеск воска, которым натирали кожу. В воображении Себастьяна несчастный некромант уже убедился, что не настолько он одинок, а по женской ласке и вовсе не тоскует, и попытался отстраниться. Но красавицы были беспощадны в своем неистовом желании устроить его личную жизнь.

– Он замрет, до глубины души пораженный неземною ее красотой...

...извращенец.

Некромант с Себастьяном не согласился, но послушно уставился на тело, оценивая изящество форм. Девица, как и положено приличному покойнику, лежала смиренно, не возражая против такого внимания.

– А потом... потом он все-таки поцелует...

Высказав все, что думает об этих женских фантазиях, матерый некромант поцеловал-таки красавицу в восковую щеку. И, торопливо отстранившись, вытер губы.

– В губы... – Красавицы были непреклонны.

– Может, – попытался вступить за несчастного Себастьян, – в губы не надо?

Его не услышали.

И некромант, изрядно побледневший от открывавшихся перспектив, торопливо чмокнул покойницу в губы. Та, естественно, не пошевелилась.

– Это будет долгий поцелуй...

...некромант оглянулся на Себастьяна в поисках поддержки, но тот лишь руками развел: мол, ничем-то помочь неспособен.

И бедолага, подчиняясь женской воле, приник к губам...

– ...он будет длиться и длиться...

Некромант зеленел, но держался. Покойница лежала смиренно.

– ...длиться и длиться... – В приступе вдохновения Эржбета воздела очи к потолку. –

Целую вечность...

Меж тем в Себастьяновом воображении некромант, благо матерый, опытный и с нервами крепкими, что корабельные канаты, постепенно осваивался. И вот уже на высокую грудь покойницы легла смуглая пятерня.

Нет, определенно, извращенец!

Некромант лишь плечами пожал: не он такой... жизнь такая.

– И он почувствует, как ее губы дрожат...

...не чувствовал, но, не прерывая поцелуя, вполне профессионально обшаривал тело, попутно сковыривая с платья жемчужинки, которые исчезали в широком рукаве.

Это не некромант, а мародер какой-то!

Впрочем, что Себастьян в некромантах понимает? Да и... должна же у человека быть материальная компенсация полученной в процессе творчества моральной травмы? Меж тем некромант увлекся, но отнюдь не поцелуем и не заметил, как темные ресницы покойницы дрогнули. Он опомнился, лишь когда тонкие руки обвили шею... острые коготки нави распорили и кожаную куртку, и рубашку, и темную шкуру некроманта. Тот попытался было вывернуться, но покойница держала крепко.

И губы раздвинула, демонстрируя острые длинные клыки.

– ...она открывает глаза...

... черные из-за расплывшихся зрачков...

– ...и тянется к нему...

...к шее, движимая одним желанием – вцепиться в нее, глотнуть свежей горячей крови. Некромант, все же матерый, а значит, бывавший во всяких передрыгах, почти выворачивается из цепкого захвата, одновременно вытягивая из левого рукава осинового кол...

– Тянется... – Кажется, на этом моменте вдохновение все же покинуло Эржбету, и она огляделась в поисках поддержки, которую получила незамедлительно:

– И видит его!

...в Себастьяновом воображении навь давным-давно жертву разглядела, оценила и почти распробовала на вкус. И от осинового кола отмахнулась играючи, только руку перехватила, сдавила до хруста в костях.

Некромант же зубы стиснул. Помирать просто так он не собирался, а потому, отринув всякое уважение к покойнице, которая, говоря казенным языком, выказывала реакции, несовместимые с человеческой сущностью, вцепился в волосы и приложил прекрасным лицом о край саркофага.

Навь взвизгнула не то от обиды, не то от боли и руки разжала... Впрочем, сопротивление ее лишь распалало. Поднявшись в гробу, она села на пятки, широко разведя колени. Острые, посиневшие, они разорвали платье, которое повисло грязными пыльными лоскутами. Навь выгнула спину, опираясь на полусогнутые руки, и черные кривые когти оставили на камне длинные царапины. Змеиный язык скользнул по губам... Навь зашипела и, покачнувшись, плавным движением соскользнула на пол. Она приближалась на четвереньках, медленно, и точеные ноздри раздувались, вдыхая сладкий запах крови.

– Видит... и влюбляется!

– Да, – подхватила Эржбета, – с первого взгляда!

Навь остановилась и озадаченно моргнула. Потрясла головой, силясь избавиться от противостоестественных для нежити эмоций.

Но куда ей против красавиц?

– Она видит истинную его суть...

Нежить кивнула – видит. И суть, и серебряный стилет, в руке зажатый, и желание этим стилетом в честную навь ткнуть. А за что, спрашивается? Она ж не виновата, что этот извращенец целоваться полез?

– И суровую мужскую красоту, – поддержала фантазию Иоланта.

Склонив голову, нежить послушно разглядывала несколько помятого некрманта. Тот же не спешил убрать клинок.

– ...и одиночество... она сердцем понимает, насколько он одинок...

Сердце навь было столь же мертво, как она сама. Но нежить послушно порадовалась: с двумя некрмантами справиться ей было бы куда сложнее.

– Эти двое предназначены друг другу свыше...

...нежить охотно согласилась и с этим утверждением: ужин, предназначенный свыше, пусть и не столь романтично, но практично до безобразия.

Некромант, уже наученный горьким опытом воплощения чужих фантазий, лишь хмыкнул и послал навь воздушный поцелуй. Та оскорбленно отшатнулась, а в следующий миг бросилась на человека, норовя подмять его под себя...

– ...и руки ее обвили шею...

...некромант захрипел, но силы духа не утратил и, перевернувшись, навалился на навь всем своим немалым весом...

– ...а губы коснулись губ...

...кляцнули клыки...

– И она со всей страстью юного тела откликнулась на его поцелуй.

Нежить всхрипнула, попытавшись избежать такого сюжетного поворота, но делать было нечего.

– В ее животе разгорался пламень любви...

...навь ерзала, не смея прервать поцелуй, и одновременно попискивала, аккуратно как трактирная девка, зажата в уголке нетрезвым клиентом.

– ...снедая всю ее...

Некромант старался, видимо осознав, от чего будет зависеть и его жизнь, и здоровье.

– Он же, неспособный справиться с собой, сорвал с нее одежды...

...лохмотья платья полетели на пол, обнажая угловатое, жилистое тело навь, и гривку темных волосков, что пробилась вдоль хребта, и черничную прелесть трупных пятен, и швы, оставленные бальзамировщиком.

– ...и опрокинул на пол!

Красавицы слушали Эржбету, затаив дыхание.

Нежить, и без того лежавшая на полу, уже и не скулила, но лишь мелко, судорожно подергивала когтистой ногой.

– Он же снял с себя рубаху, обнажив мускулистый торс...

...торс уже был изрядно расцарапан, но на нежить впечатление произвел. Она даже замерла, вперив в некроманта немигающий взгляд черных глаз.

– ...орудие его мужественности грозно вздымалось! – меж тем продолжила Эржбета.

Некромант покосился на клинок, зажатый в кулаке, и, отбросив, покраснел.

– ...готовое погрузиться в трепетные глубины невинного девичьего тела...

Навь, видимо, тоже вспомнила, что умерла девственницей, хрюкнула и торопливо сжала колени. Себастьян от души и ей посочувствовал: все-таки с приличной нежитью так не поступают.

– Их захлестнула волна безудержной страсти... – Эржбета сделала паузу, позволяя слушательницам самим вообразить эту самую волну.

...навь вяло отбивалась, отползая к саркофагу, некромант наступал, потрясая орудием своей мужественности, которое вздымалось, может, и не грозно, но на покойницу производило самое ужасающее впечатление. Она уперлась спиной в стенку и обреченно закрыла глаза, признавая поражение.

Куда бедной нежити против волны страсти?

– ...и не отпускала до самого рассвета.

Некромант только крякнул, прикинув, что до этого самого рассвета осталось часов пять-шесть. На лице его появилось выражение обреченное, но решительное.

– Их тела сплелись друг с другом... вновь и вновь его меч пронзал трепещущую плоть, исторгая из горла сладострастные стоны...

Себастьян прикусил мизинец, сдерживая тот самый стон, правда, отнюдь не сладострастный.

Пауза затягивалась...

– Как мило! – наконец произнесла Лизанька. – Так... откровенно... и эмоционально!

– Чувственно! – поддержала ее Габрисия, смахивая слезинку. – А... а что было дальше?

– Когда наступил рассвет, – Эржбета без сил опустилась на софу, – он понял, что не сможет без нее жить...

...обессиленный некромант растянулся на полу, вперившись пустым взглядом в потолок. И нежить доверчиво свернулась клубочком под его рукой.

– Он забрал ее...

...подумав, что с его-то профессией навь в паре иметь где-то даже выгодно...

– ...и предложил ей свое имя...

...а заодно и долю в грядущих делах.

– И еще поместье... он оказался древнего рода... и князем...

Князь-некромант? И не простой, а бродячий? Хотя... если есть князь-актер, то почему бы и некроманту не случиться?

– Конечно, его родственники были против...

...в чем-то их Себастьян понимал. Нежить же, тихонько хмыкнув, вытащила из сумки будущего супруга записную книжку, точь-в-точь как у Эржбеты, и принялась что-то царапать. Похоже, родственников у князя-некроманта имелось в изобилии, а потому в обозримом будущем голод нави не грозил.

– Особенно матушка... но она потом передумает и благословит их...

Выразительно фыркнув, навь обвела очередное имя кружочком, надо полагать, решила опередить этот сюжетный поворот. И верно: от материнского благословения и упокоиться можно. А загробная жизнь нави пришлась очень даже по вкусу...

– Я назову книгу «Полуночные объятия», – доверительно произнесла Эржбета, поглаживая кожаную обложку. И ее поспешили заверить, что название – ну очень удачное...

Некромант промолчал, только будущую жену за острым ухом поскреб. И она блаженно зажмурилась... в конце концов, и нежити ничто человеческое не чуждо.

Глава 2

О королевском коварстве, бабочках и переменчивых обстоятельствах

*Все могут короли.
Первый пункт Статута королевства Познаньского, каковой
вызывает немалые нарекания среди противников абсолютной
монархии*

...тем же вечером его величество изволили дремать в библиотеке. Не то чтобы в Гданьской резиденции не имелось иных покоев, но вот в библиотеке королю спалось особенно хорошо. Благоприятное воздействие оказывала тишина, изредка нарушаемая кряхтением смотрителя королевской библиотеки, пребывавшего в том почтенном возрасте, до которого и сам Мстивойт Второй надеялся дожить. Способствовал покою и полумрак, и массивные шкапы, достававшие до самого потолка, и сам вид томов, солидных, толстых, с кожаными переплетами и золотой вязью названий.

Бывало, в полудреме его величество приоткрывали глаза и принимались названия читать.

...Истинная история королевства Познаньского, от темных времен до дней нынешних, писанная...

...Благие деяния короля Згура Первого...

...Подробное жизнеописание святой Бенедикты...

Читал и вновь возвращался в полудрему, скрываясь в ней и от королей былых времен, и от святых, и от прочих напастей. Бывало, что начинал точить душу червячок: мол, все-то предки чем-то да прославились, кто войнами победоносными, кто реформами, Болеслав Первый опять же университет основал, а он, Мстивойт Второй, просто царствует себе...

И что после смерти его напишут?

Что, мол, был такой король... просидел на троне два десятка лет, да без толку. И ведь не докажешь-то потомкам, что войны в нынешние времена – мероприятие разорительное, в реформах надобности особой нет, потому как живут подданные тихо и со всем своим удовольствием, а университет новый основывать... кому он надобен?

В каждом городе уже имеется.

А в Познаньске – так цельная Академия.

Вот и мучился Мстивойт, втайне страдая от этакой жизненной несправедливости. Хоть ты и вправду к упырям посла отправляй, налаживай отношения с альтернативными носителями разума...

Мстивойт вздохнул, поскольку и в полусне идея выглядела диковатой.

Посла было жаль: сожрут же...

– Дорогой, – этот голос спугнул картины, в которых Мстивойту ставили памятник, бронзовый и конный, как полагается, а еще именем его называли улицу... – я так и знала, что найду тебя здесь!

Ее величество, не дожидаясь приглашения, сели.

В полумраке библиотеки королева была почти красива. Ей шло и это платье из темно-зеленой переливчатой тафты, и ожерелье из змеиного камня, прикрывавшее шею, на которой уже появились первые морщины.

– Это так утомительно, – пожаловалась она, открывая толстый том очередного жизнеописания, кажется, святого Варфоломея, прославившегося тем, что донес до дикарей-каннибалов слово Вотана...

...а может, не такая и дурная идея с послем-то? Каннибалы небось не так уж сильно от упырей отличались?

– Ты должен сказать Матеушу, что он ведет себя неразумно!

– Что опять?

– Вот. – Ее величество с готовностью подсунули уже знакомую желтую газетенку, сложенную вчетверо. Со страницы на короля, насупившись, выпятив нижнюю фамильную губу, которая на снимке выглядела несообразно огромной, смотрел Матеуш. – Они пишут, что он собирается сделать этой... девице предложение!

– Чушь, – с зевком ответил король.

...и мысленно добавил, что если его наследник будет столь глуп, что нарушит договоренность со сватовством, то и вправду отправится нести упырям слово Вотана.

Разумное и вечное.

– Полагаешь? – Королева хоть и не отличалась особой мнительностью, но, когда дело касалось старшего отпрыска, предпочитала все же перестраховаться. Матеуш был умным мальчиком... но мальчиком... а во дворце – полно коварных хищниц...

– Надеюсь. – Его величество вновь зевнули, широко и смачно, до ноющей боли в челюсти. – Народ любит сказки, вот ему и пытаются продать очередную...

Он газету развернул.

– Посмотри сама, новость даже не на первой странице... сами понимают, что чушь...

Первую страницу занимал броский заголовок «Любовь и ревность: смертельные страсти в познаньской полиции».

А разворот радовал снимком.

Его величество хмыкнули и перевернули газету вверх ногами, разглядывая изображение пристально, точно надеясь увидеть нечто иное, сокрытое...

– Это просто ужасно, – сказали ее величество, которая газету уже прочитала, а эту статью так и вовсе два раза, в особо трогательных местах – а рассказчик был очень эмоционален, – вздыхая. Страстей в ее жизни не то чтобы не хватало, скорее уж были они привычными, все больше с политической подоплекой... тут же иное.

Дела сердечные.

Любовь. Ревность, едва до смертоубийства не доведшая... и, несомненно, раскаяние, которому, как виделось ее величеству, прежде Аврелий Яковлевич был чужд.

– Забавно, – сказал король, возвращая снимок в исходную позицию. – И несколько... неожиданно...

С Аврелием Яковлевичем он был знаком и мнил себя если не другом – все же королевская дружба понятие скорее умозрительное, – то всяко лицом, к ведьмаку расположенным, облеченным доверием. А потому удивительно было читать об этаких Аврелия Яковлевича пристрастиях. Да и ненаследный князь Вевельский, к слову, его величество несколько раздражавший лихостью – каковая виделась показной, – слыл большим охотником до слабого полу.

Надоело им, что ли?

И ладно если бы так, но... к чему сии представления в королевском парке устраивать? Иных мест не нашлось?

– Мы должны что-то сделать. – Окончательно уверившись, что новость о намерениях Матеуша жениться на девице неподходящей – все же мальчик разумен, пусть и молод, – рождена исключительно воображением репортеров, ее величество переключились на иные проблемы.

– В ссылку отправить? – Мстивойт нахмурился.

Во-первых, на дворе небось не смутные времена, чтобы за дела частные людей в ссылку отправлять, и вряд ли сия мера найдет поддержку у народа. А во-вторых, сослать-то можно,

но кем Аврелия Яковлевича заменить? А ежели только князя отправить, что Мстивойт, положи руку на сердце, сделал бы весьма охотно, ведьмак, глядишь, обидится...

– Вотан милосердный! Ну отчего сразу в ссылку?!

– Так не на плаху же!

– Дорогой... – Королева протянула было руку к газете, но его величество сей жест проигнорировали. «Охальник» оказался неожиданно забавен, всяко интересней жизнеописаний. – ...У вас какое-то несовременное мышление. Плаха, ссылка... да во всей Эуро-пе сие, простите сказать...

...королевский мизинчик стыдливо указал на газетенку...

– ...давно уже не считается грехом.

Мстивойт хмыкнул.

– И что вы предлагаете?

– Мы... мы должны показать пример толерантности и широты мышления.

– Это каким же образом?

...пример толерантности и широты мышления... фраза-то какая красивая... прямо-таки просится на бумагу, в официальную биографию...

...интересно, отметят ли толерантность потомки? Желательно, чтобы памятником...

– Устроим им свадьбу.

– Свадьбу? – осторожно переспросил Мстивойт, поглядывая на супругу искоса: не шутит ли. Хотя за прошедшие годы он имел возможность убедиться, что у дорогой его жены чувство юмора отсутствовало напрочь. И сейчас ее величество были предельно серьезны.

И вдохновлены собственной идеей.

Вон как щеки зарозовелись... и все-таки, несмотря на некрасивость, она была по-своему привлекательна. И как-то отстраненно Мстивойт подумал, что в целом с супругой ему очень даже повезло.

Мила. Воспитанна.

Умна.

...правда, иногда ее одолевали идеи престранные, наподобие этой.

– Свадьбу, – повторила королева. – Прекрасное торжество во дворце... пригласим послов: пусть видят, что в королевстве не чураются новых веяний. Вы выступите посаженным отцом... хотя нет, лучше пусть ваш дорогой кузен... он тоже член королевской фамилии...

Мстивойт слушал, кивал и думал, что если потомки и оценят широту его взглядов, то памятником вряд ли облагодетельствуют... да и не нужен ему памятник за такие заслуги.

– Простите, дорогая... кто из них будет невестой?

– Себастьян, – ответила королева, не задумываясь, и тут же пояснила: – На нем лучше платье сядет...

Его величество хмыкнули. Все же не отпускала его мысль, что ненаследный князь эдакой заботы не оценит.

– А вы уверены, что свадьба им нужна?

Королева нахмурилась.

– Конечно. Они ведь любят друг друга. А если любят, то должны хотеть пожениться.

С этим утверждением Мстивойт мог бы и поспорить. Любовь с ним приключалась не то чтобы частенько, но временами, однако желания связать судьбу с кем бы то ни было не возникало. Может, потому, что судьба эта была связана с ее величеством, а может, любовь приключалась какая-то неправильная.

– Дорогая, – король поцеловал сухопарую, костистую ладонь супруги, – давай для начала я поговорю с Аврелием Яковлевичем, а там уже решим... если он и вправду...

...а чем дольше над сим казусом Мстивойт думал, тем сильнее сомневался в истинности написанного «Охальником»...

– ...так уж любит князя Вевельского, то препятствовать... воссоединению их мы не станем. Дадим разрешение на брак...

...но никаких пышных свадеб под королевскими знаменами. Толерантность толерантностью, но его величество крепко подозревали, что в народе к европейским тенденциям относятся без должного энтузиазма.

Себастьян, к счастью для себя, о высочайших планах понятия не имел и, сидя на кровати, пересчитывал розы. Очередную корзину доставили поутру. Меж тугих бутонов, посеребренных, видать, для пушей красоты, белел конверт, который хочешь или нет, а придется в руки брать.

И, вздохнув, Себастьян двумя пальчиками его вытащил.

Вскрыл тонким ножичком.

И с матом отшвырнул прочь: из бумажного кармана выпорхнула дюжина бабочек, которые разлетелись по комнате. С крыльев их осыпалась золотистая пыльца, и стоило вдохнуть ее, как в носу тотчас засвербело.

– Нехорошо, ваше высочество. – Нос Себастьян потер, но свербение не унялось.

Чихнул он громко, бабочек распугивая. Они металась по комнате, ударяясь о стекло с громким премерзким звуком. Заговоренной пыльцы становилось все больше, и Себастьян, зажав нос рукавом, выскочил в коридор, чтобы нос к носу столкнуться с Лихославовой девицей.

Она стояла, сложив руки на груди, и мрачно гляделась в зеркало.

Ничего такая... аккуратненькая, фигуристая... и когда не хмурится, должно быть, симпатична... конечно, не чета Христине, но это скорее достоинство, чем недостаток.

– Кого-то ищите? – прогнусавила панночка Тиана, конвертом отмахиваясь. Треклятые бабочки, верно заговоренные на Тиану Белопольску, теперь стучались в дверь.

Свербение в носу стало почти невыносимым.

И Себастьян громко чихнул...

– Нет... пожалуй...

Он глубоко вдохнул, приказывая себе успокоиться, а заодно проклиная доброхота, который присоветовал его высочеству отправить этакий изящный подарок.

Чтоб его...

– У вас что-то с лицом... – сказала купчиха, вглядываясь как-то слишком уж пристально.

– Щеки покраснели, да?

Он потрогал щеку, убеждаясь, что за краснотой дело не стало... на гладкой коже проклеивалась чешуя.

– Бабочки... – сдавленным голосом произнес Себастьян, прижимаясь спиной к двери. – Терпеть не могу бабочек...

– Да?

– У них крылья... и чешуйки... вы знаете, что когда бабочки летают, то эти чешуйки сыплются? Отвратительно, правда?

Купчиха медленно кивнула.

Зудели руки.

И спина.

И Себастьян, не способный справиться с этим зудом, о дверь поскребся.

...да что ж это такое!

Если королевич, то, выходит, все дозволено? Между прочим, привороты – это противозаконно...

– Идем. – Купчиха вдруг схватила за руку и потянула за собой.

Себастьян вновь чихнул и попытался было пальцами нос зажать, да вовремя увидел, как переливается на них золотом заговоренная пыльца...

...подсудное же дело!

Евдокия шла быстро, едва ли не бегом, и благо коридоры Цветочного павильона были пусты не то по вечернему времени, не то сами по себе.

И в этом крыле Себастьяну бывать не доводилось.

Он со стоном поскреб шею, которая уже покрылась плотной четырехгранной чешуей... жалобу напишет, сегодня же... две жалобы... или три, и генерал-губернатору лично... мало того что Себастьяну приходится терпеть душевные излияния королевича, который повадился подолгу гулять с панночкой Тианой, повествуя ей о нелегком королевском бытии, так еще и приворожить пытаются...

Евдокия пинком распахнула резную дверь и втолкнула Себастьяна в комнату.

Ручку застопорила стулом и, уперев руки в бока, сказала:

– Ну и как это понимать?

– Никак, – ответил Себастьян и с немалым наслаждением о стену потерся. – Никак... не... понимать...

Чешуя стремительно отслаивалась и опадала на пол полупрозрачными лоскутами. Крылья все-таки получилось удержать, а вот лицо поплыло.

Вот же ж...

– Говорю же... не люблю бабочек... очень остро на них реагирую. – Себастьян отодрал от щеки тонкую полоску кожи.

– Надо же, печаль какая...

– Увы...

Зуд постепенно отступал, но кости ломило, и, значит, лицо вернулось прежнее... зеркало, висевшее тут же, подтвердило догадку.

– Ничего объяснить не желаете? – почти вежливо поинтересовалась купчиха и револьвер достала, должно быть, в качестве дополнительной аргументации.

– Не желаю. – Себастьян учтиво отвел дуло в сторонку, про себя заметив, что револьвер девица держит спокойно, так, словно бы случилось ей прибегать к оружию не единожды.

– А если подумать?

– Панночка... Евдокия, – он заткнул дуло мизинцем, – поверьте, это не вашего ума дело...

– Неужели?

– Именно... я весьма благодарен вам за своевременную помощь. – Себастьян все же чихнул и почесался. – Но буду еще более благодарен, если вы о ней забудете...

– Даже так?

Определенно, следовать совету девица не собиралась.

– Милая, – Себастьян сдул длинную прядь, прилипшую к носу, – уж поверьте...

Платье жало в плечах и оказалась коротковато, он не мог избавиться от мысли, что из-под кружевного розового подола торчат собственные Себастьяна волосатые щиколотки. Атласные домашние туфли еще где-то в коридоре слетели с ног. Чулки продрались, и из дыр выглядывали пальцы. Себастьян шевелил ими, чувствуя, как по тонкому шелку расползаются дорожки.

Вид идиотский.

Почему-то больше всего раздражали волосы, заплетенные в косу... и лента в них. Лента была завязана бантом, который хотелось содрать, как и растреклятое это платье.

– Милая, вы знаете, кто я?

Девица, переведя взгляд с револьвера на лицо Себастьяна, хмыкнула:

– К несчастью, да.

– В таком случае, вы понимаете, что здесь я нахожусь не по собственной прихоти.

А в ближайшем рассмотрении она вполне себе симпатична. Нет, все еще не красавица, да и вряд ли когда-то такой была. Она из тех, которые и в юности отличаются несуразностью, угловатостью и, зная за собой это, становятся невероятно стеснительны.

Взрослея, учатся стеснительность прятать...

– Да неужели? – Евдокия, похоже, не просто спрятала – похоронила.

Но хоть револьвер убрала, все хлеб.

– Дело государственной важности. – Себастьян отбросил раздражавшую его косу за спину и, наклонившись к розовому ушку Евдокии, произнес: – Секретное...

Она, вместо того чтобы зардеться, как полагалось немолодой, но глубоко закомплексованной девице, отпрянула. Впрочем, тут же взяла себя в руки и, указав на стул, велела:

– Садитесь и рассказывайте, что здесь творится.

– Боюсь, это не вашего ума дело...

– Повторяетесь.

Евдокия обошла его по широкой дуге, разглядывая пристально. И насмешки не скрывала...

– Пан Себастьян, – весьма любезным тоном произнесла она, остановившись у двери, – мне кажется, вы меня недопоняли...

– Опять за револьвер возьметесь? Девушка, учитеесь использовать другие аргументы.

– Благодарю за совет. Всенепременно. – Задрвав подол, Евдокия оружие спрятала.

Ножки у нее оказались аккуратные...

– Пан Себастьян, нам с вами револьвер ни к чему. – Она распрямилась и юбку оправила. – Все просто. Вы, может, и собираетесь молчать... скажем, из интересов государственных... а вот у меня такого желания нету... у меня есть желание иное...

Вот же...

Девица усмехнулась и, отбросив за спину толстенную, соломенного цвета косу, продолжила:

– Я, может, в крепком душевном волнении пребываю... как же, одна из конкурсанток – мужчина... представляете, что скажут остальные?!

– Вы не посмеете.

– Отчего же? Посмею. Я ведь не просто так здесь присутствую... наблюдаю... и просто-таки обязана делиться наблюдениями с общественностью. А уж в какой восторг эта общественность придет, узнав о том, что Себастьян Вевельский обманом проник на конкурс красоты... да вы до конца жизни не отмоеетесь.

– А вам и радостно?

Она пожала плечами.

Радостно.

Вот стерва! И главное, не пытается этой радости скрыть. А ведь женщинам Себастьян нравился, особенно таким вот, вышедшим из девичьего возраста, но еще не вошедшим в годы, которые стыдливо именовались «элегантными».

– Я вас посажу, – с очаровательной улыбкой пообещал Себастьян и, не выдержав, поскребся.

– Посадите... наверное... если у вас получится. – Евдокия не собиралась отступать. – Ведь, если разобраться, я лишь пытаюсь защитить невинных девушек, оказавшихся в ситуации столь... двусмысленной.

Она и пальцами щелкнула, и от звука этого – тихого, но отчего-то резкого – Себастьян вздрогнул, припомнив самый первый день.

– Или вы собираетесь поступить, как подобает человеку благородному? – Евдокия встала у окна, скрестив руки на груди.

Грудь была пышной, а руки – белыми.

– Это как же?

Себастьян, не пытаясь раздражения скрыть – пыльца еще действовала, мешая вернуть контроль над телом, – потянул за пояс. В платье было тесно, неудобно, и вид идиотский.

– Жениться, – это страшное слово Евдокия произнесла с улыбочкой, более на оскал похожей.

– На вас, что ли?

– На мне не надо.

Платье не снималось. Себастьян дергал растреклятые юбки, с трудом сдерживая ярость. Но она пробивалась острыми когтями, и чешуей, и хвост, почему-то оставшийся тонким, с кисточкой-пуховкой, отчаянно стучал по половицам.

– Я как-нибудь переживу этот страшный позор... а вот бедные девушки... – Евдокия выразительно замолчала, устремив очи к потолку.

Себастьян тоже посмотрел на всякий случай.

Потолок был обыкновенным, в виньетках и цветах, правда, белили его давненько, и оттого потолок успел уже пойти пятнами.

– И как предлагаете мне на них жениться? – Платье все же поддалось, и, стянув его через голову, Себастьян скомкал розовую, бабочками расшитую ткань. – Одновременно?

Евдокия задумалась.

А живое воображение Себастьяна нарисовало свадьбу с одиннадцатью невестами... ладно, минус колдовка, всего-то десять...

– Одновременно не получится. Даже в каганате лишь четыре жены позволено иметь. Поэтому придется в порядке живой очереди. Женились. Пожили год. Развелись. Думаю, его величество отнесутся с пониманием...

– Вы издеваетесь. – Следом за платьем отправилась и нижняя рубашка, а за нею – шелковые чулочки с подвязками. Себастьян с преогромным удовольствием избавился бы и от панталон с кружевами, но тогда бы вид его был вовсе неподобающим.

– Я? Как можно! Мне казалось, это вы издеваетесь, и не только надо мной...

– Когда это я над вами издевался?

Панталоны сползали, и Себастьяну приходилось придерживать их руками...

Отвечать Евдокия не стала, но и от двери не отошла.

– Итак, у вас, пан Себастьян, имеется выбор. Или вы все-таки рассказываете, что здесь происходит, стараясь при этом быть убедительным. Или я зову сюда панну Клементину...

– Послушай... те, панночка Евдокия. – В кружевных панталонах было непросто выдерживать подобающую случаю серьезность. – Ваше любопытство... неуместно. Вы и вправду лезете в дела, которые вас совершенно не касаются...

Слушает.

Смотрит. И выражение лица упрямое. Понимает. Лезет и будет лезть, пока не влезет по самую свою макушку... и вот что остается делать бедному актору?

...тем более связанному клятвой крови?

– Кстати, врать не советую. – Евдокия вытащила кулончик, крутанула в пальчиках.

Чтоб ее...

– Евдокиюшка, – Себастьян оказался рядом с упертой девицей и, приобняв ее, взял за ручку, – вы же взрослый человек и понимаете, что не всякое любопытство уместно... давайте просто забудем, что видели друг друга...

Забывать она не намеревалась и ручку попробовала высвободить, но Себастьян не позволил.

Пальчики пахли свежей сдобой.

И еще копченой колбасой...

...откуда взяла?

– А после... когда все закончится... мы с вами встретимся в приватной обстановке... обсудим проблему и, я уверен, найдем такое ее решение, которое всецело удовлетворит обе стороны...

С каждым словом он наклонялся все ниже и договаривал уже на ушко, розовое такое ушко с золотой подковкой серьги.

– Руки...

– Что, дорогая?

– Руки убери, – прошипела Евдокия, наступив на ногу. И ведь туфельки хоть домашние, но с острым каблучком.

– А это уже нападение на актора... при исполнении служебных обязанностей... – мурлыкнул Себастьян, прижимая упрямую девицу к груди. – Но мы же не станем заострять на том внимание, верно?

...наверное, приворотное все же подействовало...

...из-за яда ли, либо же ведьмаки у его высочества были хорошие...

...или просто нервы сдавать начали от обилия цветов, бабочек и атласных лент.

Как бы там ни было, но купчиху он целовал со всей накопившейся злостью, невзирая на довольно-таки активное сопротивление... пожалуй, несколько увлекся.

Сквозняк по спине почувствовал, но значения не придавал...

А потом девица вдруг всхлипнула...

...и за спиной раздалось глухое рычание... правда, почти сразу стихло... сквознячок вот остался...

– Вы... – стоило Евдокию отпустить, как она отскочила и первым делом губы вытерла, – вы... с-скотина! С-сволочь...

– Хотите сказать, не понравилось?

Она его невероятно раздражала. Упрямством своим. И курносый вздернутый носиком. Веснушками, которые не пыталась скрывать под пудрой. Манерами.

Взглядом, в котором виделось... презрение?

– Только попробуйте это повторить и...

– И что?

– Я закричу... я...

Она и вправду собиралась закричать, чего Себастьян допустить никак не мог, и, сграбастав купчиху в охапку, он повторил эксперимент...

...не нравится ей.

...всем нравится, а она тут... нашлась исключительная... и главное, упрямая какая, вместо того чтобы поддаться, как положено приличной женщине в горячих мужских объятиях, упирается, выгибается, разве что не шипит, и то лишь потому, что неспособна.

– Будете орать? – поинтересовался Себастьян, выдыхая.

– Буду. – Купчиха с силой впечатала острый каблучок в ступню, а когда Себастьян на мгновение руку разжал – все-таки больно, когда в живого человека каблучком тыкают, – вывернулась.

Недалеко.

До столика.

До бронзового канделябра, на столике стоявшего...

– Еще как буду, – сказала Евдокия. И это было последнее, что Себастьян услышал.

...нет, в его жизни всякое случалось, но чтобы канделябром и по голове... за что, спрашивается? Он хотел было спросить и рот открыл, но второй удар, куда более ощутимый, вверг его в темноту.

В темноте было уютно.

Спокойно.

Только бабочки порхали, те самые – королевские. Они подлетали к самому Себастьянову носу, стряхивая с крыльев золотистую пыльцу. И Себастьян замирал от ужаса: а вдруг да именно этот приворот работает должным образом?

И как жить?

Он отмахивался от бабочек и от пыльцы, но та липла к волосам, и голова Себастьянова становилась невыносимо тяжела.

– Дуся, ты что?! – сказала бабочка тоненьким голоском.

И вправду – что?

За что?!

Ладно бы, не умел Себастьян целоваться. Так ведь он старался, весь опыт свой немалый вложил... а его канделябром.

– Я – ничего. А он...

Бабочка, говорившая голосом Евдокии Ясноокой, девицы купеческого сословия, села на раскрытую ладонь и грозно пошевелила развесистыми усиками.

– Что он?

– Целоваться полез! – пожаловалась Евдокия.

– И ты его канделябром?

– И я его канделябром. – Она произнесла это как-то обреченно.

– А меня позвала...

– ...чтобы труп помогла спрятать. – Теперь голос был мрачен.

Себастьян хотел было сказать, что он вовсе не труп; но первая бабочка, с перламутровыми крыльями, его опередила.

– Дуся, он жив, – сказала она с укоризной.

– Тогда добить, а труп – спрятать.

Решительности купеческой дочери было не занимать. Но Себастьяну категорически не нравилось направление ее мыслей.

– Это не смешно...

Совершенно не смешно.

– Не смешно... куда уж не смешнее... Лихо приходил, и... и что он обо мне подумает?

Лихо? Проклятие, про брата, обладавшего воистину удивительным умением появляться не вовремя, Себастьян как-то запомнил.

...задание...

...Аврелий Яковлевич предупреждал, но...

...Лихо всегда слишком серьезно относился к женщинам, а тут... вспомнит и Христину... и следует признать, что первый удар канделябром Себастьян заслужил...

С этой мыслью он вернулся в сознание, аккуратно затем, чтобы ощутить весьма болезненный пинок под ребра.

– Дуся, что ты творишь?!

Евдокия не ответила, а Себастьян, не открывая глаз, испустил громкий стон. Он очень надеялся, что стон этот был в должной мере жалобным, чтобы огрубевшее женское сердце прониклось сочувствием к раненому...

– Я творю? Это он...

– Вы мне выбора не оставили, – произнес Себастьян.

Он лежал на спине, и ноги вытянул, и руки на груди сложил демонстративно, всем видом своим показывая, сколь близок был к смерти.

И веки смежил.

– Я не оставила?!

– Тише... умоляю... очень голова болит...

...голова у него болит, видишь ли... да, не по голове бить следовало, тогда, глядишь, болело бы именно то место, которым он думал, когда к Евдокии полез.

Помогла, на свою беду...

В том коридоре Евдокия оказалась совершенно случайно.

Она бродила.

И думала.

Ей всегда легче думалось на ходу, особенно когда мысли касались именно ее, Евдокии... ну и еще Аленки, которая за ужином была задумчива, тиха и напрочь отказалась говорить, что происходит.

А Евдокия не дура.

...есть зеркала, отражения, которые ведут себя вовсе не так, как полагается нормальным отражениям. Собственные, Евдокии, шли за нею, не таясь, тянули длинные шеи.

...пахло горелым.

...и еще камнем. И запах этот тягучий, едкий, вызывающий к жизни воспоминания об угольных шахтах, об узких норах, прогрызенных в теле горы людьми, привязывался к Евдокии.

Она льнула к обоям, которые были новыми и дорогими, силясь ощутить правильные ароматы: бумаги, краски и клея, но вновь вдыхала каменную пыль. Гранитом пахли стеклянные вазы, углем – цветы и ковровые дорожки. Евдокия, уже не заботясь о том, как это будет смотреться, ежели кто-либо застигнет ее за престранным занятием, присела, коснулась высокого ворса.

Почти живой.

А от Аленки только и добиться можно, что еще не время.

И верить надо.

Евдокия верила, вот только чуяла близкую опасность, как в тот раз, когда они с маменькой едва под обвал не угодили. И ведь тогда-то управляющий твердил, что, дескать, нет угрозы, что шахта пусть и старая, но досмотренная, что леса свежие, крепкие, а газ дурной отводят регулярно...

...а Евдокия чуяла – врет.

И слышала, как тяжело, медленно, но совершенно по-человечески вздыхает гора. Боясь опоздать, она схватила маменьку и бегом бросилась к выходу.

Успела.

А управляющий остался внизу, верно, это было справедливо.

Но сейчас не о горах думалось.

О доме. И Аленкином упрямстве. И о том, что, если и захочет Евдокия уйти, ей не позволят. Поздно... и розовые шипастые кусты тянулись к окнам, затягивали их живой решеткой.

...еще Лихослав, который приходит на закате, а уходит на рассвете. И больше о свадьбе не заговаривает, и не то чтобы Евдокии так уж в храм хотелось...

...было кольцо, сидело на пальце прочно, так, что захочешь – не снимешь.

И все-таки...

...хотелось странного, наверное, место виновато было, но вот... чтобы не сделка взаимовыгодная, где титул на деньги меняется, а чтобы любовь.

Влюбленность.

Сердце ныло, растревоженное не то прошлым, не то настоящим. И лгать-то себе Евдокия непривычная. Нравится ей Лихо...

Лихо-волкодлак...

...пускай себе волкодлак... и вдоль хребта уже проклюнулась жесткая прямая щетина, будто гривка... и глаза у него в темноте с прозеленью... а на свету глянешь – человеческие.

Улыбается хорошо.

А как шепчет на ухо имя ее, то и вовсе тает Евдокия. Стыдно ей и счастливо, и, наверное, сколь бы ни продлилось это самое счастье, все ее – Евдокиино.

Об этом она думала, когда резко, едва не ударив Евдокию по носу, распахнулась дверь, выпуская Тиану Белопольску... или того, кто ею притворился...

– Что вы на меня так смотрите, будто примеряетесь, как сподручней добить, – поинтересовался ненаследный князь, приоткрыв левый глаз.

Глаз был черным, наглым и без тени раскаяния, из-за чего высказанная Себастьяном мысль показалась Евдокии весьма здравой.

Добить.

Вытащить в сад и прикопать меж розовыми кустами.

– Между прочим, – замолкать это недоразумение не собиралось, – вы меня шантажировали!

– Дуся!

Аленка уставилась на Евдокию с укоризной. Конечно, как у нее совести-то хватило шантажировать самого старшего актора.

А вот обыкновенно.

Хватило.

И Евдокия если о чем и жалеет, так о том, что сразу его по голове не огрела. Следовало бы.

Огреть. Привязать, а там уже и допрашивать.

– Шантажировала. – Почуяв в Аленке сочувствие, Себастьян Вевельский открыл и второй глаз и томно ресницами взмахнул.

Ручку смуглую приподнял, к голове прижал, будто бы болит...

...болит.

И правильно, что болит, и не надо было Аленку звать, но Евдокия испугалась, что и вправду прибила ненароком это недоразумение в панталонах. А что, рука-то у нее маменькина, тяжелая.

– Вы лежите, лежите. – Аленка села на пол и ладони на макушку смуглую возложила с видом таким, что Евдокия едва не усовестилась. – Больно?

– Очень, – сказал этот фигляр, голову задирая так, чтобы Аленке в глаза заглянуть. – Просто невыносимо...

– Дуся!

– Что «Дуся»? Дуся желает знать, как давно это... – она пальцем ткнула, чтобы не осталось сомнений, о ком речь идет, – за вами... за нами подглядывало?

Аленка, верно вспомнив первый вечер в Цветочном павильоне, зарделась, но рук не убрала. И Евдокия мрачно подумала, что бить-таки следовало сильнее.

– Я не подглядывал, – поспешил оправдаться Себастьян, болезненно кривясь, точно сама необходимость разговаривать с Евдокией причиняла ему немалые мучения. – Я наблюдал.

– Принципиальное различие.

– Дуся!

– Ваша сестрица меня ненавидит! – пожаловался Себастьян, поджимая губы...

...ишь, развалился.

– Дуся, – Аленкины брови сдвинулись над переносицей; и, таки оторвавшись от пациента, которого, судя по Аленкиному виду, она готова была лечить хоть всю ночь напролет, и желательно не в Евдокииных покоях, она встала, – Дуся, это же...

Себастьян Вевельский с готовностью закрыл глаза, показывая, что подслушивать не намеревается и, вообще, находится если не при смерти, то всяко в глубоком обмороке.

– Дуся... – Аленка взяла сестрицу под руку и зашептала: – Я понимаю, что получилось нехорошо и ты на него обижаешься... но это же живая легенда!

– К сожалению...

– К сожалению, легенда? – Себастьян таки не удержался и приоткрыл глаз, на сей раз правый.

– К сожалению, живая, – поправила Евдокия и, погладив верный канделябр, добавила: – Пока еще.

– А теперь она мне угрожает!

Боги милосердные, какие мы нежные. А вот хвост из-под ноги правильно убрал, и не то чтобы Евдокия собиралась наступить, но пусть конечности свои, включая хвост, при себе держит.

Евдокия руки от канделябра убрала и, выдохнув, велела:

– А теперь рассказывайте.

– Что? – в один голос поинтересовались Аленка и Себастьян.

– Все.

– Все – будет долго... – Себастьян вытянул дрожащую руку и, указав на кровать, попросил: – Поддай простыночку прикрыться, а то неудобно как-то.

Покрывало Евдокия сдернула.

– Дусенька... – Аленка присела на стул у двери и еще руки на коленках сложила, – потерпи...

– Хватит. Я уже натерпелась.

...и Лихо, который заглянул, хотя еще и не вечер...

Появился и исчез.

Уступил.

Бросил? А кольцо тогда почему? И Евдокия трогает его, пытаюсь успокоиться, только получается не слишком хорошо.

– Или меня вводят-таки в курс дела, или мы уезжаем. Сегодня же. Немедля.

Аленка сложила руки на груди, демонстрируя, что с места не сдвинется. Упряма? Пускай. В Евдокии упрямства не меньше.

– Я тотчас телеграфирую маменьке. Полагаю, она меня поддержит. Да и не только она. О нем я тоже молчать не собираюсь. Этот фарс, который конкурсом называют, завтра же закроют. И не надо мне про тюрьму говорить. Тюрьмы я не боюсь.

– Она не всегда такая... – словно извиняясь, произнесла Аленка. – Злится просто...

– И колбасу прячет. – Себастьян сел, завернувшись в покрывало. – Под кроватью... ага... ..коробку он вытащил и, прильнув щекой к крышке, зажмурился.

– Краковельская... чесночная... благодать... к слову, панночка Евдокия, как бы вы ни пыжились...

– Я не пыжусь!

– ...на мне клятва крови, так что...

И этот наглец, вытянув колечко краковельской колбасы, к слову, великолепнейшей, сдобренной чесноком и тмином, высушенной до звонкости, сказал:

– Моя прелес-с-сть...

Евдокия перевела взгляд на Аленку. Та клятв крови не давала...

– Дуся, пока ты о нем не знаешь, оно тебя не видит, а раз не видит, то и навредить неспособно.

– Тогда считай, что оно, чем бы ни было, меня разглядело.

– Но...

Аленка повернулась к зеркалу и, коснувшись его ладонью, нахмурилась:

– Ты... не говорила...

– И ты не говорила. – Оправдываться Евдокия не собиралась.

Единственное, о чем она жалела, так о собственной нерешительности. Следовало сразу покинуть сей милый дом...

– Уйти не получится. – Себастьян разломил колбасное кольцо на две неравные половины, меньшую зажал в правой руке, большую – в левой. – Точнее, попытаться можете, но за последствия я не ручаюсь. Вас, панночка, поместили... и вас, к слову, тоже.

Он откусил колбасу и уже с набитым ртом добавил:

– И меня... всех поместили, Хельм их задери.

И замолчал, сосредоточенно пережевывая колбасу.

Следовало сказать, что в покрывале, расшитом цветочками, из-под которого выглядывали длинные мосластые ноги и хвост, тоже длинный, но отнюдь не мосластый, ненаследный князь выглядел... безопасно. Он жевал колбасу, вздыхая от удовольствия, и блаженно жмурился...

Надо полагать, раны на голове затянулись.

Аленка наблюдала за своей легендой с престранным выражением лица.

Куда только прежнее восхищение подевалось?

– Так что, милые дамы, вам от меня никуда. – Жирные пальцы Себастьян вытер о покрывало, и Евдокия с трудом сдержалась, чтобы не отвесить подзатыльника. Князь, называется!

Князь понюхал оставшийся кусок, но со вздохом отложил.

– Хорошо. – Евдокия покосилась на канделябр. – В таком случае предлагаю перемирие. И обмен информацией. Взаимовыгодный...

– А водички нальешь? – поинтересовался Себастьян, голову набок свесив. – Колбаска соленая очень...

Пил он шумно, отфыркиваясь, и вода текла по голой груди, поросшей кучерявым черным волосом. И вида этой самой груди Аленка стеснялась, отворачивалась...

...похоже, первая любовь ее, бережно возвращенная на газетных славословиях и снимках, умирала.

Громко срыгнув, Себастьян вытер рот краем покрывала и поднялся.

– Итак, девушки, я внимательно вас слушаю...

...от же гад.

Слушает он.

Но с некоторым удивлением Евдокия поняла, что и вправду слушает. Внимательно так. И уже не выглядит ни смешным, ни жалким...

...Аленка же говорит...

...о том, что дом живой, что строили его по старому обычаю, на костях. И кости эти сроднились со стенами...

...о зеркалах, в которых потерялись души. Их заперли на изнанке зеркального лабиринта, лишив воли и посмертия, оставив лишь голоса, которые Аленка слышит...

...о снах разноцветных, где ей показывают дом...

...и о черном камне, ради которого все затевалось. Камень – драгоценность, а дом – шкапулка, построенная драгоценность хранить. Не здесь, но на изнанке мира. Аленка пока не умеет объяснить иначе. Но ждать уже недолго. Та, которая построила тайник, вернулась.

– Ее ты видела? – Себастьян прервал рассказ.

И, поймав на себе взгляд Евдокии, слегка пожал плечами, будто извинялся...

Извинялся.

Не за поцелуй, а за представление.

Живая легенда? В том и дело, что скорее живая, чем легенда. И приходится соответствовать... или не соответствовать, разрушая чужие иллюзии.

– Нет, – ответила Аленка, задумавшись. И тут же, сама себе противореча, сказала: – Да. Она меняет лица. Она... она забрала чужие... использует, а потом меняет...

В отличие от ненаследного князя, который кивнул, Евдокия ничего не поняла, а переспрашивать не стала.

– Луна растет. – Аленка посмотрела в окно.

Вечерело.

И лиловые сумерки держались за колючей границей роз, точно опасаясь приближаться к окну. Небо отливало то золотом, то багрянцем; и тревожно становилось на душе.

Беспричинная тревога.

– И дом пробуждается... у нее сил не хватает, чтобы сразу его разбудить... луна нужна.

Полная.

Круглая, налитая, как яблоко из маменькиного сада. На такую воют оборотни, а волкодлаки и вовсе теряют разум... Лихо не опасен, будь опасен – не выпустили бы с Серых земель...

Евдокия не наивна.

Евдокия слышала о людях, которые переставали людьми быть. Но боялась – не его, но за него, растревоженного... что подумал?

Известно что...

И ушел... как бросил... обидно и страшно оттого, что не вернется... а если вернется, то каким?

...луна показалась, выглянула, белая монета с полустертой золотой каймой, будто бы надкушенная с одного бока. Но рана зарастает, прибывая день ото дня...

– Будет луна, и будет сила... – Аленка замолчала, устремив взгляд в окно.

Тоже видела?

Чуяла?

А говорили, что будто бы у сестрицы сил мало, что едва-едва хватит их раны затянуть... а она слышит вот... и сама не понимает, откуда у нее это взялось.

Отцовская кровь очнулась?

Или же, напротив, материнская? От той прапрабабки, про которую говорили, будто бы она – прирожденная колдовка? И в пору бояться родной сестры...

...близких.

Двое, и обоих Евдокия любит. Она-то человек обыкновенный и мало на что в колдовском мире годный, только и может, что богам молиться. Пусть заслонят. Сберегут. Силами наделят, потому как иначе... что бы ни обреталось в зеркалах сторожем клятых душ, оно выберется...

– Панночка Алена. – Себастьян поднял недоеденный кусок колбасы и кое-как отер о покрывало. И вид себе вернул прежний, слегка придурковатый. Аленку взял за ручку жирными пальцами, срыгнул сыто, отчего бедную аж передернуло, и к ручке припал.

Обслуживал всю знатно.

– Вернитесь к себе. И ведите себя как прежде...

...Аленка ручку выдернула и торопливо за спину спрятала. А ведь колбасу краковельскую она на дух не переносит из-за чесночного ее запаха.

– А... вы?

– И я вернусь. От доем и вернусь. – Он еще и грудь волосатую почесал, сказав доверительно: – Вы не представляете, до чего мне жрать охота...

У двери Аленка тайком понюхала пальчики и скривилась-таки...

...чесночный дух – привязчивый.

Но ушла, унося осколки разбитых мечтаний.

– Евдокиюшка... – Себастьян перекинул покрывало через плечо и снова грудь поскреб, – а с вами...

– Со мной можете комедию не ломать. Влюбляться в вас я не собираюсь.

– Даже так...

Взглянул пристально, и неуютно стало под этим колючим, лишенным всяческого дружелюбия взглядом. Еще немного – и наизнанку вывернет...

– Как уж есть, – ответила Евдокия, заставляя себя глядеть в глаза. И улыбаться.

Как маменька учила...

– А вы подумайте...

– Уже подумала.

– Я могу быть очаровательным... и очень милым... мы с вами чудесно проведем этот вечер...

Рука сама собой к канделябру потянулась. Себастьян хмыкнул и, пощупав затылок, Аленкиными стараниями целый, сказал:

– Ладно-ладно... с Лихо я сам поговорю... – он взобрался на подоконник, – а вам, панночка Евдокия, нервы лечить надобно... вы слишком остро на все реагируете.

Вот поганец!

Глаза б Евдокиины его не видели...

– И платье свое забирай! – крикнула она, швырнув мятый комок в темноту...

...Гавел ничуть не удивился, увидев ненаследного князя. Тот, выбравшись из окна, весьма бодро и, по мнению Гавела, несколько необдуманно сиганул в кусты роз.

Сорт «Белая панночка» отличался крупными бутонами бледно-золотистого колеру и шипами исключительной длины. Сам Гавел уже успел свести с одной панной знакомство, а потому сдавленную, но весьма выразительную, можно сказать, наполненную яркими образами ругань князя слушал с сочувствием.

– И платье свое забирай! – донеслось из окошка, и на голову Гавела свалился надушенный мягкий ком, надо полагать – то самое платье...

Гавел платье скомкал еще более и спрятал в сумку: вещественным доказательством будет. Или пойдет на платочки старухе, а то не напасешься...

...соседка снова жаловалась...

...требовала, чтобы Гавел из своей командировки вернулся... а он, слушая в телефонный рожок возмущенное бормотание, лишь вздыхал...

...пришлось злотень сверху пообещать...

...и наверняка мало будет...

...но последний месяц судьба к Гавелу была благосклонна весьма, и банковский счет его потихоньку прирастал. Если бы не старуха, этих денег Гавелу хватило бы года на два, и не в той каморке. А что, снял бы квартирку в приличном доходном доме, пускай и небольшую, но чистенькую... и нанял бы кого убираться дважды в неделю. Купил бы себе белую фильдекосовую рубашку, а к ней – желтый галстук... и пиджак фиолетовый, бархатный, с хлястиком на черных пуговичках...

Тросточку опять же.

И в дни выходные гулял бы в королевском парке, как иные приличные люди...

Гавел вздохнул, сам себе признаваясь, что мечты его эти, пусть и не особо сложные, все ж несбыточны. От старухи ему не избавиться, так что и тросточка, и пиджак, и рубашка остались в памяти, а Гавел сделал снимок...

Меж тем Себастьян Вевельский из кустов вырвался и, сплюнув погрызенный лист «Белой панночки», потянулся. На сей раз князь был не совсем обнажен. И если Гавелу досталось платье, то себе Себастьян оставил женские преочаровательного вида панталончики, с кружевами и атласными бантиками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.